

НЕГАТИВНАЯ ФОРМА САМООЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ И ИХ ФУНКЦИИ

О. В. Кашкина

Воронежский государственный университет

Самооценочные высказывания (СВ), будучи первичным средством вербализации Я-концепта [11], могут существовать как в положительной, так и в негативной форме. Интерес к названному объекту обусловлен тем, что в европейской культуре не поощряются ни похвала, ни порицание в свой адрес, однако различные формы СВ достаточно частотны в повседневном общении, оценки в свой адрес нередки и в сфере официальной коммуникации.

Формы СВ очень разнообразны, что обусловлено широтой диапазона предмета самооценки: индивид может оценивать черты своего характера, поведение, профессиональную и другие виды деятельности, а также иные ипостаси своей личности. На фоне большого разнообразия СВ особого внимания заслуживают СВ, содержащие различные средства негации (*Ich bin nicht fleißig.*) (далее НСВ). С помощью таких высказываний говорящий не приписывает себе непосредственно некоторый признак типа (*Ich bin gut. Ich bin egoistisch.*), а наоборот, заявляет об отсутствии какого-либо свойства, о нетипичности для него тех или иных форм и образцов поведения, например, *Ich bin nicht kleinlich. Ich bin kein Egoist.* Относительно высокая частотность НСВ (25% от 3500 изученных СВ), функциональные, содержательные и формальные отличия от утвердительных СВ побуждают отдельно изучить особенности функционирования НСВ в тексте интервью.

Составившие практический материал самооценочные высказывания, были извлечены методом сплошной выборки из текстов интервью, опубликованных в известных немецких еженедельниках за 1997–2001 гг. На основании формального критерия отбирались диалогические единства, содержащие СВ, оформленные с помощью эксплицитных или имплицитных средств негации.

Поскольку НСВ соединяют в себе два типа высказываний – оценочное и негативное, – то необходимо предварительно кратко осветить главные особенности негативных высказываний.

Исследовательский интерес к категории отрицания и средствам ее репрезентации¹, не стихающий со времен античности, объясняется, с одной стороны, универсальностью этой понятийной категории для всех языков, а, с другой стороны, особой ролью категории отрицания в процессе формирования и именованности понятий, процессе получения, переработки информации и ее передачи в коммуникации [7, 9]; [8, 334]; [16, 69] и др.

В лингвистике отрицание чаще всего интерпретируется как особая форма модальности: значение отрицания понимается как модальное значение нереальности [1, 163–164]; [9, 3]. Так, А. И. Бахарев определяет отрицание как констатацию отсутствия предмета, признака, явления, выраженную языковыми единицами различных уровней (лексическими, словообразовательными, синтаксическими, фразеологическими, фонетическими и др.) [7, 15] (ср. аналогичные позиции [9, 59]; [15, 163]; [18, 483]). Отрицание рассматривается как маркированный член оппозиции “утверждение-отрицание”. Оппозиционная связь отрицания с утверждением выражена с различной степенью эксплицированности, но ее существование обязательно и особо выделяется многими учеными [7, 16]; [3]; [12]; [16]. В связи с этим отрицание трактуется как мыслительная операция, вторичная по отношению к утверждению [9, 189]; [10, 3]; [17, 44]; [23, 217]. Так, В.Кёллер рассматривает отрицание как сложную мыслительную операцию, которая теоретически представляет собой два действия. Первое состоит в проецировании с помощью языковых знаков определенного представления (*Я – глупый*), которое затем на метауровне квалифицируется как несоответствующее действительности (*Я неглуп*).

¹ Отрицание и отрицательные высказывания являются предметом рассмотрения многих наук: философии, логики, математики, лингвистики, психологии и пр. В логике отрицательное высказывание часто рассматривается как противоположность позитивному [22, 216–217]. В формальной логике отрицанием называется логическая операция, в результате которой вместо высказывания (суждения) А получается высказывание (суждение) не-А или вместо высказывания не-А образуется высказывание А. Полученное таким путем новое высказывание называется отрицанием первоначального высказывания [7, 5].

ной). Такая проекция играет важную роль – она задает определенный масштаб, позволяющий интерпретировать данную ситуацию [22, 206]. Н. Н. Болдырев уточняет, что отрицание является особым способом и результатом восприятия и осмысления окружающего мира, а также конкретной коммуникативной реакцией на предложение, вопрос, умозаключение и т.п. [8, 335]. Предпочтение столь опосредованной репрезентации действительности указывает на то, что негативные высказывания помимо передачи установки говорящего (истинности/ложности) имеют важные в коммуникативном отношении прагматические мотивы. Такая трактовка отрицания объясняет, с одной стороны, многообразие, функциональную и формальную неоднородность негативных высказываний, а также их значимость в процессе коммуникации.

В формальном отношении негативные высказывания могут значительно отличаться друг от друга вследствие большого разнообразия разнородных средств негации эксплицитного и имплицитного характера. В качестве средств негации учеными рассматриваются: 1) лексические (отрицательные наречия, члены полярных антонимических пар), 2) словообразовательные (приставки и суффиксы с негативной семантикой), 3) морфологические (частицы, предлоги с негативной семантикой, сослагательное наклонение финитного глагола, прошедшее время финитного глагола), 4) синтаксические (противительные союзы), 5) фонетические (особая интонация предложений, обеспечивающая отрицательное прочтение содержания).

Негативные высказывания могут иметь разную структуру, в зависимости от степени экспликации ее элементов. В качестве таких элементов рассматриваются собственно отрицание, норматив, противоположная альтернатива, говорящая о том, что имеет место в действительности [17, 48].

В функциональном плане негативные высказывания характеризуются многообразием семантических функций, некоторые из них можно определить из семантики самого негативного высказывания, а другие – из соответствующего контекста. В качестве главной функции негативных высказываний выделяется *функция негативной оценки истинности*, т.е. отрицание уже сложившегося мнения о чем-либо [16, 68]; [17, 44–45]. Ряд других ученых обозначает эту функцию как *модальную функцию нереальности* того или иного события или предмета с точки зрения говорящего [8, 334]. Благодаря этой функции профилируется отсут-

ствие ожидаемого элемента события или одной из его планируемых характеристик, тем самым создается определенный когнитивный контекст, сигнализирующий это отсутствие или несоответствие [8, 335].

Из главной функции вытекают многие другие. Так, В.М. Труб указывает на распространенность *корректирующей* функции негативных высказываний: посредством таких высказываний говорящий корректирует ложные с его позиции мнения окружающих [17, 44]. Корректирующую функцию можно рассматривать как общую для более частных: *возражение, противопоставление, опровержение* и т.д. Негативные высказывания могут выполнять функции *отказа, несогласия*, функцию передачи сведений оценочного характера. Важную роль играет функция *снижения категоричности* высказывания [4]; [8]; [9]; [22]; [23]. Эта функция объясняется концептуальной особенностью отрицания. Как подчеркивает Н.Н. Болдырев, концепт “Отрицание” не обладает собственной информацией о реальном мире и приобретает содержание лишь при соотнесении с другим концептом или концептуальной структурой [8, 336]. Тесная связь отрицания с неопределенностью [2, 244]; [9, 13]; [10, 6] обуславливает некоторую степень неопределенности информации, содержащейся в негативном высказывании, а следовательно, более низкую по сравнению с соответствующим позитивным предложением степень категоричности; ср.: *Ich bin feige – Ich bin nicht mutig*.

Краткий анализ основных функций негативных высказываний позволяет подчеркнуть коммуникативную природу большинства функций: информация, представленная в негативном высказывании, является реакцией говорящего на некий предшествующий контекст и направлена на создание определенного эффекта в сфере слушающего (коррекция его представлений, просьба и т.д.).

Прежде чем перейти к анализу НСВ, необходимо уточнить критерии их выделения из общей группы СВ. Вслед за А. И. Бахаревым, И. М. Кобозевой и другими учеными, мы выделяем НСВ на основании содержательного критерия² и причисляем к группе НСВ такие СВ, главным признаком которых является констатация отсутствия признака, явления, действия и пр., а также несогласие говорящего с тем, что утверждается в корреляте “Р”, и тем самым содержит в себе идею отрицания

² Содержательный критерий выделения негативных высказываний доминирует в лингвистических исследованиях, поскольку отрицание является прежде всего элементом содержания суждения, лежащего в основе предложения.

[9, 46]; [13]; [14]. Здесь очень важно подчеркнуть, что исходный коррелят “Р” трактуется достаточно широко. Наряду с эксплицитными формами коррелятивных предложений со смыслом “Р” в пре- и постпозиции по отношению к НСВ в качестве исходных и провоцирующих НСВ рассматриваются также и имплицитные корреляты. Когнитивную связь отрицания со стереотипным представлением доказывают многие ученые [см. [8, 336]; [16, 67]; [17, 46]. Так, Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что отрицание часто направлено против ходячих истин, стереотипов или нормативных для данного общества представлений [3]; [5].

Использование содержательного критерия позволило включить в исследуемую группу НСВ, оформленные следующими отрицательными средствами:

1. эксплицитными маркерами негации (наречия (*niemals*), местоимения (*kein*), частицы (*nein*), морфологические средства с отрицательной семантикой (*un-, -los*) и пр.);

2. имплицитными средствами (лексемы с семантическим признаком ‘отсутствие’ (*fehlen*), члены полярных антонимических пар (*schön – hässlich*)).

Представленная выше интерпретация НСВ определяет аспекты практического анализа. В ходе комплексного анализа НСВ необходимо рассмотреть функциональные особенности основных групп средств негации, взаимосвязь отдельных средств негации со степенью категоричности СВ, а также особенности взаимосвязи НСВ с соответствующим коррелятом.

В зависимости от степени экспликации негации и развернутости НСВ можно выделить три основные группы.

Первая, самая немногочисленная группа насчитывает 5 % (от всего количества НСВ – 875 единиц) высказываний, которые представляют собой элементарное отрицание ложной с точки зрения интервьюируемого оценки журналиста. Stern 5’98: *Sind Sie glücklich?* Hasenfratz: *Nein*. В подобных ситуациях говорящий опровергает предположение или мнение журналиста и умалчивает о степени и характере выраженности подразумеваемого противоположного признака. Представляется возможным рассматривать СВ такого типа как косвенные СВ.

Вторую группу составили НСВ с имплицитным отрицанием. Такие высказывания содержат различные лексические средства, не маркированные формальными приметами негации, однако выра-

жающие отрицание посредством лексической семантики, например, глагола *fehlen*, а также членов полярных антонимических пар. Stern 1’97: *Dass Sie ein schlechter Schauspieler sein könnten, glauben Sie nicht?* Tomba: *Ich glaube sogar, dass ich besser bin als viele andere*. Интервьюируемый оформляет СВ без средств негации, но по содержанию это самооценочное суждение отрицает и даже противопоставляется содержанию иницирующей реплики журналиста. Это позволяет причислить аналогичные СВ к классу НСВ с контекстно обусловленным имплицитным отрицанием.

Третья, самая объемная группа, включающая 85 % НСВ, представлена единицами, которые содержат эксплицитные средства негации. В выборке зафиксировано 22 вида языковых маркеров негации, посредством которых содержание высказывания трактуется как несоответствующее реальной действительности.

Представляется целесообразным рассмотреть наиболее частотные средства и определить влияние их грамматической семантики и реализуемых функций на интерпретацию НСВ.

МАРКЕР НЕГАЦИИ *NICHT*

В проанализированном корпусе наиболее частотным грамматическим средством негации оказалась частица *nicht* – 39%:

Heimüller: ... *Aber ich bin nicht bestechlich*. (F 52’00/13)

Распространенность *nicht* в НСВ объясняется, с одной стороны, самой высокой частотностью названной единицы среди других средств негации немецкого языка [24, 866], с другой стороны, функциональными и синтаксическими особенностями этой частицы. В соответствии со своей грамматической семантикой *nicht* может выступать как в роли общеотрицательной частицы и отрицать существование содержащегося в этом предложении утверждения [24, 867], так и фигурировать в предложении в качестве частноотрицательной частицы и сопровождать зависимые группы слов. В частноотрицательном предложении отрицается не само действие или наличие признака, а время, степень выраженности признака, т.е. отрицание относится лишь к какому-то фрагменту ситуации [9, 141].

В анализируемом материале частица *nicht* использовалась в 76% ситуаций для оформления НСВ³: Tiedge: ... *Ich bin doch nicht verrückt*.

³ С помощью индексов + (СВ⁺), или - (СВ⁻) маркируется характер оценочности анализируемых высказываний – положительный (СВ⁺) и отрицательный (СВ⁻).

(S 37'98/88) Примером НСВ⁻ служит следующее высказывание: Almodovar: *Aber es klappt nicht, denn ich bin überhaupt nicht gastfreundlich.* (Sn 45'99/271)

В зависимости от синтаксической позиции частицы *nicht* в НСВ, их можно разделить на три основные группы.

Первая группа (35%) представлена НСВ, в которых *nicht* входит в группу сказуемого и выступает как общеотрицательная частица: Schmidt: *Ich bin nicht traurig.* (Sn 13'00/231) В ряде НСВ действие *nicht* усиливается интенсификаторами: Bubis: *Ich fürchte mich überhaupt nicht.* (S 49'98/54)

Во второй группе НСВ (63%) *nicht* выступает в иной синтаксической функции и сопровождает средства интенсификации. В связи с этим *nicht* указывает не на отсутствие признака как такового, а на меньшую степень его выраженности (*nicht besonders klug, nicht so naiv*). В высказываниях подобного типа *nicht* обеспечивает движение признака по градуированной шкале от одной критической точки шкалы к другой и может рассматриваться как “мягкая” форма отрицания (термин Н. Д. Арутюновой) [4, 214]. Такое движение иллюстрирует следующий пример: Bennet: ... *Naiv bin ich ja immer noch, aber nicht so naiv.* (S 38'00/248)

В третьей группе (2 %) высказываний *nicht* входит в состав предиката мнения, который вводит СВ. Vogts: *Ich glaube nicht, dass ich konservativ bin.* (Sn 2'98/51) Как представляется, в НСВ такого типа констатация отсутствия какого-либо оценочного признака осуществляется некатегорично.

Таким образом, *nicht* позволяет формировать разный эффект восприятия СВ: от создания резких обостренных контуров (*Ich bin überhaupt/gar nicht dumm*), до мягкого движения в сторону деинтенсификации признака (*nicht besonders*). Эта разница обусловлена способностью *nicht* выступать и как общеотрицательное, и как частноотрицательное средство. Для интерпретации СВ функциональные особенности *nicht* оказываются важными: в общеотрицательном значении *nicht* отрицает соответствующий признак и имплицитно оппозитивный коррелятивный признак (‘неглупый’ ≈ ‘умный’), а в частноотрицательном значении *nicht* не отрицает наличие признака, а лишь снижает степень его выраженности (*nicht so ...*), выступая как средство снижения категоричности высказывания.

МАРКЕР НЕГАЦИИ KEIN

Вторым наиболее частотным средством негации оказалось местоимение *kein*. Его функциони-

рование было зафиксировано в 20 % НСВ: Juhnke: *Ich bin doch kein Rassist.* (Sn 9'97/44) Отрицательное местоимение *kein* может выступать либо в прономинальной либо в артиклевой функции, оформляя как частноотрицательное, так и общеотрицательное высказывание [24, 695]. В проанализированном материале *kein* выступало преимущественно в артиклевой функции. Значение местоимения *kein* складывается из двух составляющих: значения существования (экзистенциональности) и отрицательного значения, т.е. *kein* = *nicht ein*. Однако *kein* имеет часто усиленное по сравнению с *nicht ein* значение, и это связано с выражением значения несуществования [9, 92].

В зависимости от функции существительного, сопроводителем которого является *kein*, было выделено две группы высказываний. В 1-й группе НСВ *kein* относится к предикативу: Bohlen: *Ich bin kein Macho.* (F 10'99/244) Эта группа представлена 88 % высказываний, а во второй группе *kein* входит в состав группы зависимого существительного, подчиненного глаголу (22 %): Bisanz: *Ein Fachmann mit starker Persönlichkeit bekommt damit keine Probleme.* (F 13'00/271)

Первая группа высказываний с *kein* в предикативе отличается особым прагматическим потенциалом, который определяется зоной приложимости *kein*. Для определения этой зоны необходимо рассмотреть структурные особенности предикативной субстантивной группы. Проведенный анализ позволил установить 2 основных структурных типа с несколькими вариациями. 1-й тип представлен простой структурой “*kein* + Substantiv”: Schäubele: *Ich bin kein Opfer!* (Sn 40'00/68) Характерно, что существительное является носителем оценочного значения и представлено либо частнооценочной, либо квазиоценочной лексемой (*kein Feigling, kein Idiot, keine Puppe*).

Ко 2-му типу были причислены более развернутые структуры, включающие различного рода определения:

а) “*kein* + Adjektiv + Substantiv”: Weixler: *Ich bin von Haus aus kein ängstlicher Mensch.* (F 25'01/68) Носителем оценочной семантики в таких структурных типах НСВ являются, как правило, прилагательное или причастие в функции атрибута, стоящего между *kein* и существительным.

б) “*kein* + Substantiv + RS”, где RS – определенное придаточное, выступающее в атрибутивной функции к существительному: Graf: *Außerdem bin ich kein Typ, der von sich aus auf andere zugeht.* (Sp 3'97/27)

в) структура, соединяющая варианты (а) и (б): “**kein** + Adjektiv + Substantiv + RS”: Effenberg: *Ich bin bestimmt kein nachtragender Typ, der immer wieder Dinge aus der Kiste holt, die Jahre zurückliegen.* (S 42’98/196) В примерах, подобных приведенному выше, говорящий пытается максимально конкретизировать отрицаемое свойство.

Выделенные два типа отличаются друг от друга по зоне приложения отрицания. Если в первом типе **kein** отрицает предикативное существительное, оформляя общеотрицательное высказывание, то второй тип более сложен. Здесь **kein** отрицает не существительное-классификатор (*Mensch, Frau, Mann*), а определенные свойства характера, поведенческие особенности и другие признаки, выраженные определением в пре- или постпозиции к классификатору [24, 694].

Особое воздействие НСВ с местоимением *kein* тесно связано со структурным типом предложений, в которых оно употребляется. Субстантивный тип обеспечивает достаточно категоричное прочтение самооценки (см. подробнее [11]. Потому НСВ 1 типа (Prädikativ = **kein** + Subst.) можно трактовать как достаточно категоричные заявления, не допускающие сомнений в его истинности.

НСВ второго типа характеризуются наличием существительного-классификатора (*Mensch, Typ, Mann, Frau*) и на основании примыкающего определения (признака) (*faul, klug, dumm, gierig*) говорящий отрицает свою причастность к определенному типу, классу людей. И наличие здесь классификатора имеет очень важное значение: речь идет не только о наличии определенного качества; классификатор подразумевает, во-первых, постоянство этого качества, а, во-вторых, связанные с этим качеством или вытекающие из него особенности поведения и т.д.

В остальных 22 % НСВ **kein** использовалось для экспликации отрицания каких-либо признаков динамического или статического характера: Himmeler: *Ich hab’ doch keine Verbrechen begangen.* (F 35’98/155) Westernhagen: *Ich habe keinen narzisstischen Defekt.* (Sn 23’99/56) Как представляется, в описываемых НСВ **kein** выполняет не только функцию отрицания, но и выступает в роли интенсификатора, поскольку **kein** имеет и квантитативное значение, а именно нулевое значение (ни одного преступления, ни одного дефекта).

МАРКЕР НЕГАЦИИ NEIN

11 % НСВ содержат отрицательную частицу **nein**: Graf: *Nein, ich bin sehr zufrieden mit dem, was*

ich erreicht und erlebt habe. (F 34’99/134), из них 72 % вербализуют положительную самооценку: Binoccke: *Nein, wir Schauspieler sind doch auch ganz normale Menschen.* (F 11’01/234), а 28 % оформляют отрицательную самооценку: Schumacher: *Nein, nein. Als Neuling machst du jede Menge Fehler, und manchmal hab’ ich mich tatsächlich dämlich angestellt.* (Sn 9’99/128).

Nein представляет собой особое средство негации, что обусловлено в первую очередь его синтаксическим статусом, сферой действия и способностью реализовывать противоположные функции. Большинство грамматистов рассматривают **nein** как модальный эквивалент соответствующего иницирующего предложения [1, 158]; [24, 690]; [21, 529]. В качестве иницирующего предложения выступает либо вопросительное предложение, либо утверждение. Сфера действия частицы **nein** может быть различна: **nein** может отрицать разные онтологические сущности: положение дел, признак, отношение, существование объекта и пр.

В качестве основных коммуникативных функций частицы **nein** выделяются 1) отрицательная и 2) утвердительная функции [21, 612]. Критерием, позволяющим разграничить эти функции служит наличие или отсутствие средств отрицания в иницирующем высказывании: их отсутствие свидетельствует об отрицательной функции **nein**, а их наличие – об утвердительной функции **nein** [21, 611–612]; [24, 865].

В проанализированном материале частица **nein** встречалась в доминирующем большинстве случаев (85 %) в отрицательной функции для оформления НСВ⁺ (85 %): Stern 43’01/242: *Halten Sie sich für einen verschrobene Einzelgänger?* Rademann: *Nee, nur für einen gesunden Egoisten.* Утвердительная функция **nein** установлена в 15 % НСВ: Spiegel 27’98/27: *Sie haben noch nie eine schwere persönliche Niederlage erlitten?* Stollmann: *Nein. Ich habe ein phantastisches Leben, ganz gefestigte Werte, ich habe eine großartige Familie und großartige Chance gehabt, mit unterschiedlichen Menschen in unterschiedlichen Ländern zu arbeiten.*

Важно подчеркнуть, что в утвердительной функции **nein** в 50 % оформляло СВ⁻, а в 50% – СВ⁺.

МАРКЕРЫ НЕГАЦИИ NIE, NIEMALS, NIEMAND

Отрицательные местоимения **nie, niemals, niemand** выражают значение отсутствия признака или действия в соответствующей плоскости (время,

пространство) [9, 93]. *Nie, niemals* (8 %), *niemand* (2 %) позволяют говорящему не только опровергнуть определенное утверждение, но и выразить кванторные смыслы. Как подчеркивают А. Н. Баранов и С. И. Юшманова, единицы типа *никогда, нигде, никто* выражают кванторность и создают кванторные контексты [6, 60]. Ullrich: ... *Ich hatte aber nie ein schlechtes Gewissen, denn ich war immer rechtzeitig fit, wenn es richtig losging.* (Focus 40'99)

Следует подчеркнуть, что указанные единицы не просто создают кванторные контексты: они исключают возможность существования иного мнения. С помощью высказывания типа *Ich lüge nie* говорящий полностью исключает, что он когда-либо обманывал. Механизм действия данного отрицательного наречия очень важен: отрицание с его помощью определенного оценочного признака не только имплицитно соответствует положительный коррелят, но и предполагает наличие в этом положительном корреляте квантора «всегда». Например, из «*Ich bin nie traurig*» вытекает «*Ich bin immer heiter/ruhig*».

Обращает на себя внимание преобладание НСВ⁺, содержащих анализируемые кванторные маркеры негации (91 %): Krause: *Ich lasse meinen schlauen Kopf nie hängen.* (F 34'97/126), только 9 % НСВ⁻ вербализуют отрицательную самооценку: Wolf: *Ich war noch nie glücklich.* (Sn 23'00/145)

МАРКЕР НЕГАЦИИ UN-

Одним из распространенных средств выражения отрицания являются отрицательные аффиксы. Krug: *Ich war unweise, aufbrausend.* (Sn 2'01) Слова с такими аффиксами выражают, как правило, значение отсутствия [9, 79]. Такой синтетический способ выражения отрицания имеет особое прагматическое значение: позитивный коррелят содержится в самом слове: *unartig, unruhig, angstlos*. С позиции Х.Бринкмана, подобный тип словообразования служит смягчению суждения и снижению категоричности высказывания [20]. Эти наблюдения позволяют понять, с какой целью говорящий использует в НСВ лексемы с приставкой *un-*.

В изученном эмпирическом материале в 60 % случаев употребление лексем с *un-* было обусловлено прагматически и служило снижению категоричности СВ. Grönemeyer: *Ich bin relativ uneitel.* (Stern 12'99) Treskow: *Als Jugendlicher fand ich mich ziemlich unattraktiv, wegen meiner langen Nase, der roten Haare.* (Spiegel 3'99) Следует отметить высокую частотность НСВ⁻ (93 % от НСВ с лексемами с *un-*), оформленных изучаемым способом.

Miller: *Ich war oft unehrlich mit meinen Eltern.* (Sn 23'00/122)

ИМПЛИЦИТНЫЕ СРЕДСТВА НЕГАЦИИ

Не менее важную роль в оформлении НСВ играют имплицитные маркеры негации. Среди проанализированных единиц наиболее частотными оказались две группы лексических средств: 1) члены полярных антонимических пар (11 %) и 2) лексемы, в семантическую структуру которых входит признак 'отсутствия, нехватки чего-либо' (*fehlen, vermissen*) (1%).

Члены полярных антонимических пар

Следует уточнить, что выделение определенной лексемы в НСВ как члена полярной антонимической пары осуществлялось в процессе контекстного анализа на основании наличия в предваряющей реплике журналиста второго члена антонимической пары. Stern: *Dass Sie ein schlechter Schauspieler sein könnten, glauben Sie nicht?* Tomba: *Ich glaube sogar, dass ich besser bin als viele andere.* (Stern 1'97)

Под полярной (контрадикторной) парой понимается оппозиция двух лексем, которые обозначают противоположные понятия. Одно из понятий содержит некоторый набор признаков, а другое отрицает эти признаки, замещая их противоположными [7]; [9]; [14]; причем отрицание одной группы признаков предполагает утверждение другой группы признаков. С позиции А. Т. Кривоносова, контрадикторные антонимы обозначают предельно противоположные признаки (*dumm – weise*), и это усиленная, по сравнению с контрарными антонимами (*weise – unweise*), противоположность [14, 116].

Контрадикторный антоним в силу своей логической семантики не только отрицает противоположное понятие, но и называет другую альтернативу. Поэтому НСВ, содержащее контрадикторный антоним, выполняет функцию противопоставления. Оформляя самооценку таким образом, говорящий не прячется за неопределенностью (*Ich bin nicht jung*), а четко постулирует отношение к себе (*Ich bin alt*). Важным оказывается то, что в таких парах содержится не столько идея отрицания, сколько идея утверждения, причем утверждения полярной противоположности. Поэтому НСВ с такими средствами воспринимаются категорично, и даже несколько агрессивно: Focus: *Sie gelten als konservativer Architekt. Sind Sie rückwärts gewandt?* Kollhoff: *Ich bin ein moderner Architekt und knüpfe an essenzielle Überzeugungen der Moderne an, tue*

das aber nicht auf eine naive, affirmative Art. (F 26'00/106)

Лексемы с признаком 'отсутствия, нехватки чего-либо' (*fehlen, vermissen*)

Примеры такого рода немногочисленны (1 % от всех НСВ): *Haußmann: Neid und Eifersucht sind mir fremd.* (S 44'98/300), однако они интересны с позиции создаваемого эффекта восприятия. Так, НСВ с лексемой *fremd*, представляются экспрессивными, поскольку благодаря семантике *fremd* говорящий подчеркивает, что определенный признак/действие/состояние чужды его личности. Стоит отметить, что в изученном материале *fremd* в такой функции выступало компонентом только НСВ⁺. *Schiffer: Gewichts – und Gesundheitsprobleme sind mir fremd.* (Sn 12'01/156)

Другие лексические единицы исследуемой группы участвуют в создании иных эффектов восприятия СВ. Так, лексема *mangeln* способствует некатегоричному прочтению СВ: *Felix: Es mangelt mir an schöpferischer Kraft für weiteres Leben.* (A 4'98/12), поскольку говорящий не сообщает прямо об отсутствии сил, а говорит лишь об их недостаточном количестве. Следует подчеркнуть, что валентные свойства таких глаголов, как *mangeln, fehlen* допускают языковую репрезентацию объекта самооценки (т.е. самого говорящего как носителя оценочного признака) только с помощью такой объектной формы местоимения *ich*, как *mir*, что также способствует снижению категоричности СВ. Очевидно, именно поэтому такие лексические единицы в изученном материале оформляли НСВ.

ТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ НЕГАТИВНЫХ САМООЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

НСВ связано с положительным коррелятом. Поэтому для адекватной интерпретации НСВ необходимо их изучение в преломлении к коррелирующему высказыванию. Для решения этой задачи проведен текстовый анализ, который позволил понять, что спровоцировало предпочтение негативной формы высказывания и выбор того или иного средства негации, а также проследить, какие прагматические функции может выполнять такая форма вербализации самооценки.

Негативные высказывания, как правило, соотносятся с позитивным утверждением, которое может быть эксплицировано в контексте или же быть просто известным участникам коммуникации. Знание содержания позитивного утверждения побуждает говорящего в случае несогласия прибегать

к негативной форме высказывания. В связи с этим была изучена степень эксплицированности позитивного коррелята и его позиции в диалогическом единстве, в пространстве которого порождается СВ. Анализ позволил выделить два основных типа: с эксплицитным позитивным коррелятом и с имплицитным положительным коррелятом. Рассмотрим их подробнее.

Группа НСВ с эксплицитным позитивным коррелятом в препозиции, т.е. в реплике журналиста, которая вызывает негативное высказывание интервьюируемого, представлена 40 % НСВ. Такие СВ неоднородны и различаются некоторыми коммуникативно-прагматическими параметрами. В этой группе следует выделить четыре подгруппы диалогических единств, отличающихся друг от друга прежде всего коммуникативным намерением журналиста и интервьюируемого.

1) Диалогическое единство типа “вопрос – отрицательный ответ”: *Focus 9'01: Kurz vor dem Start machten Sie sich davon. Sind Sie ein Feigling? Matthäus: Ich bin kein Feigling.*

2) Диалогическое единство типа “утверждение – энергичное возражение”: *Spiegel 5'99: Sie sind also immer noch der Nette. Spiegel: Das sagen Sie. Ich würde mich nie so bezeichnen.*

Следует подчеркнуть, что возражение, осуществлялось, как правило, в достаточно категоричной форме, о чем свидетельствуют: а) повышенная частотность различных средств интенсификации (*sehr*), среди которых значительна доля средств генерализации (*immer, nie, niemals*) б) высокая плотность средств негации, что способствует усилению отрицательного фона высказывания, в) использование средств аргументации (приведение фактов).

3) Диалогическое единство типа “утверждение – подтверждение”:

Stern 6'01: Müde sehen Sie aus. Dall: Ich bin heute nicht so gut darauf.

4) Диалогическое единство типа “вопрос – подтверждение”:

Spiegel 95'98: Sind Sie gewissermaßen immer high? Ottke: Ich bin nicht sehr ausgeglichen.

Очень важно подчеркнуть, что две последние группы существенно отличаются по своему коммуникативно-прагматическому потенциалу от первых двух, в первую очередь интенцией говорящего: в первых двух группах намерением говорящего является опровержение ошибочного мнения журналиста. И это полностью соответствует первичным функциям средств негации, а именно

функции сигнализировать о несоответствии ожидаемого действительному. В последних двух группах интенция интервьюируемого совершенно иная: вместо отрицания он подтверждает предположения журналиста, используя при этом те же самые отрицательные единицы. Очевидно, что в этих высказываниях отрицательные единицы выполняют другую функцию, а именно служат смягчению категоричности высказывания.

Не менее интересна другая группа высказываний, в которых интервьюируемый дополняет НСВ позитивным СВ. Focus 23'00: *Erleben wir eine Europameisterschaft mit Mord und Totschlag? Brekelmans: Ich hoffe nicht, aber Angst haben wir jedenfalls keine. Wir sind sehr gut vorbereitet.*

В этой группе было выделено две подгруппы. К первой подгруппе относятся СВ, в которых позитивное высказывание, сопровождающее отрицание, является объяснением альтернативы. Focus 8'01: *Oder sind Sie einfach nur ein verbitterter, alter Zyniker? Wolfe: Ich bin kein Zyniker, sondern Realist.* Во второй подгруппе такое дополнение являлось противопоставлением: говорящий не только отрицал приписываемые ему журналистом или другими лицами признаки, но и эксплицировал противоположную альтернативу. Focus: *Der arroganteste Schauspieler Deutschlands Andre Eisermann spielt deneinst arrogantesten Musiker Österreichs. Wie empfinden Sie das? Eisermann: Ich bin doch kein arroganter Mensch. Im Gegenteil, ich bin freundlich und höflich.* (F 9'00)

Вторая группа изученных НСВ не сопровождалась эксплицитным позитивным коррелятом. Эта группа представлена 60 % НСВ. Позитивный коррелят таких высказываний не эксплицировался в предшествующих репликах. Такой тип высказываний имеет большой скрытый прагматический потенциал. Как подчеркивает В. М. Труб, негативное высказывание, не имеющее эксплицитного коррелята, выполняет функцию актуализации некоторых сведений (с одной стороны, тех, которые отрицаются, а, с другой стороны, их противоположной альтернативы). Эти сведения, как правило, известны обоим коммуникантам, в противном случае нарушается максима количества и качества [4]; [17, 46]; [23].

В опоре на вышеизложенные рассуждения можно сказать, что СВ без позитивного коррелята в пре- и постпозиции типа “Я не беру взятку” допускают две интерпретации: а) говорящий, будучи чиновником, отдает себе отчет в том, что в концепте “чиновник” содержится составляющая с

двумя полярными признаками: “честный – взяточник”, что известно представителям данного лингвокультурного общества. Поэтому он заранее расставляет выгодные для себя акценты; б) имя говорящего ранее упоминалось в СМИ в связи со взяточничеством и коррупцией. Говорящий возвращается к этой теме, чтобы четко сформулировать свою позицию в этом вопросе.

Два разных способа прочтения могут маркироваться разными модальными рамками: а) “Знай, что я не взяточник” б) “Как вы помните, говорили, что я – взяточник, а я таковым не являюсь” В задаче данного исследования не входило изучение деятельности интервьюируемых и общественной реакции на нее. Поэтому не представляется возможным дать сведения о количественном распределении вариантов (а) и (б).

При анализе описанных НСВ возникает вопрос, почему говорящий предпочитает такую форму СВ, если на то нет видимых причин? Думается, у НСВ подобного типа существует контекст, с которым это высказывание коррелирует, и которое является общим для участников данной коммуникативной ситуации, а именно для интервьюируемого, журналиста и публики как вторичного адресата. В роли такого контекста с нашей точки зрения могут выступать общеизвестные знания и представления о личности как таковой, ее поведении и жизнедеятельности. Поэтому индивид, предполагая, что его могут оценивать, исходя из очень емкого концептуального контекста, на который может налагаться и стереотипное представление о нем как о члене определенной социальной (профессиональной или гендерной) группы, будет стремиться отграничить свою личность от потенциальных ошибочных представлений. Среди наиболее значимых для порождения НСВ стимулов можно выделить: 1) ложные с позиции индивида мнения окружающих о нем; 2) нормативные представления (каким должен быть человек и каким он быть не должен); 3) стереотипы, сложившиеся в отношении социальных групп, которым принадлежит индивид. Для того, чтобы своевременно избежать ошибочного отношения к своей личности со стороны окружающих можно воспользоваться СВ с отрицанием, которое позволит задать нужный формат восприятия. В этом случае НСВ без эксплицитного коррелята в пре- и посттексте могут оказаться в коммуникативном плане более значимыми, чем простое отрицание приписываемых в предтексте оценок, поскольку они сигнализируют о значимости и важности потребности говорящего отграни-

читаться от возможных неправильных мнений и оценок.

Следует подчеркнуть особый характер реализации оценочности в НСВ. Во-первых, говорящий сразу же отрицает возможность приписывания ему соответствующего признака или определенной формы поведения. Говорящий не говорит о том, какие качества и формы поведения присущи его личности, а указывает на то, что ему несвойственно. Тем самым отчасти снимается острота противоречий, которые влечет за собой СВ, поскольку использование средств негации можно рассматривать как способ снижения степени категоричности высказывания. Это особенно четко прослеживается в тех СВ, в которых негативная форма может быть легко заменена на синонимичный позитивный вариант (*nicht dumm, unklug, kein Dummkopf*).

Таким образом, НСВ оказываются важным в прагматическом отношении механизмом вербализации самооценки. Главная содержательная особенность НСВ – констатация отсутствия признака с одновременным имплицированием противоположной альтернативы – позволяет рассматривать НСВ как вторичное средство вербализации Я-концепта. Согласно проведенному анализу использование адресантом вторичных средств вербализации оценочных сведений из Я-концепта обусловлено рядом факторов, среди которых наиболее важными оказываются стратегия адресата, а также интенция адресанта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В. Г.Адмони. – Л., 1956, – С. 163–164.
2. Аристотель. Об истолковании / Аристотель. – Соч. в 4-х т., Т.2. М.: Мысль, 1978. – С. 91–116.
3. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания, 1987. – № 3. – С. 3–19.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт. / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
6. Баранов А.Н. Отрицание в идиомах: семантико-синтаксические ограничения / А. Н. Баранов, С. И. Юшманова // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 46–65.
7. Бахарев А.И. Отрицание в логике и грамматике / А. И. Бахарев. – Саратов: Изд-во СГУ, 1980. – 75 с.
8. Болдырев Н.Н. Концептуальные основы отрицания в языке / Н. Н. Болдырев // Филология и культура, Тамбов, 2003. – С. 334–338.
9. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко. – М.: Наука, 1983. – 212 с.
10. Желеско П.С. Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности / П. С. Желеско, М. С. Роговин. – Кишинев: Штиинца, 1985. – 133 с.
11. Кашкина О.В. Функциональный анализ самооценочных высказываний как средства вербализации Я-концепта на материале интервью немецкой прессы / О. В.Кашкина. – Дисс. канд. филолог. наук, Воронеж: ВГУ, 2005. – 211 с.
12. Киселева И.Е. Типы сверхфразовых единств с отрицанием *kein* в условиях прагматических пресуппозиций / И. Е. Киселева. – 2004. – www.isuct.ru/etc/antropos/section/3/KISELEVA.htm
13. Кобозева И.М. Отрицание и пресуппозиции (в связи с правилом перенесения отрицания в русском языке / И. М. Кобозева. – 1976. – www.philo.msu.ru/otipl/new/main/articles/kobozeva/imk-1976-autoref.doc
14. Кривоносов А.Т. Язык. Логика. Мышление. Умозаключение в естественном языке / А. Т. Кривоносов. – Москва – Нью-Йорк, 1996. – 679 с.
15. Ольхова Л.Н. О концепте отрицания в русской картине мира / Л. Н. Ольхова // С любовью к языку: Сб. науч. тр. – Москва – Воронеж, 2002. – С. 163–166.
16. Торопова Н.А. Положительный противочлен отрицания *nicht* в современном немецком языке (пресуппозиция отрицания) / Торопова Н. А. // Филологические науки, 1978. – № 2. – С. 61–77.
17. Труб В.М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности / В. М. Труб // Вопросы языкознания, 1994. – № 1. – С. 44–62.
18. Цыбова И.А. Относительно концепта отрицания во французской и русской картине мира / И. А. Цыбова // Филология и культура: Мат-лы IV Международ. науч. конф. 16–18 апреля 2003 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ. – С. 483–484.
19. Admoni W. Der deutsche Sprachbau / Строй немецкого языка / W. Admoni. – Изд-е 4-е. – М.: Просвещение, 1986. – 335 с.
20. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1971. – 937 s.
21. Helbig G. Deutsche Grammatik: ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – 9., unveränd. Aufl. – Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1986. – 737 s.
22. Köller W. Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens / W. Köller. – Stuttgart, 1988. – S. 201–210.
23. von Polenz P. Satzsemantik. – Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens. Gruyter, Walter de GmbH, 1988. S. 216–218
24. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich. – Mannheim: Dudenverlag, 1993. – 1110 s.